

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 316.485

Стратегическая культура в обществе риска: концептуальные основания анализа*

А. В. Алейников, Д. А. Мальцева

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Алейников А. В., Мальцева Д. А.* Стратегическая культура в обществе риска: концептуальные основания анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 4. С. 634–649. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.409>

В статье исследуются паттерны эффективного стратегического управления в эпоху глобальной конкуренции. Эти проблемы предлагается рассмотреть через призму концепта стратегической культуры в условиях общества риска. Как показывается в статье, стратегическая культура является фактором обеспечения конфликтоустойчивости и конфликтоспособности политической системы. Анализируются тематический репертуар и исследовательские стратегии изучения стратегической культуры, дается ее авторское определение как набора фундаментальных и устойчивых предположений, разделяемых социальными и политическими субъектами в отношении способности к конструктивной работе с напряженностью в обществе и внешнем окружении, к раннему и артикулированному восприятию конфликтных проявлений. Используя эту исследовательскую оптику и адаптируя идеи Дж. Скотта, авторы приходят к выводу, что снижение эффективности политики связано с игнорированием в процессе осуществления государственного управления «культурной априорности», что приводит к содержательному упрощению стратегического политического анализа «правильного» места государства в системе общества риска. Можно заключить, что привычное рассмотрение стратегической культуры преимущественно в контексте поиска эффективных сценариев обеспечения военной безопасности не является достаточным в процессе выработки стратегических сценариев поддержания собственной политической идентичности, основанной не на принципе «Я — Чужой», а на принципе совместного эффективного конфликто разрешения. Как показывается в статье, легитимация современных управленческих решений напрямую коррелиру-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00115) в части статьи, написанной А. В. Алейниковым, и за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект №19-011-00792А) в части статьи, написанной Д. А. Мальцевой.

ет с возможностью их влияния на возникновение социального «ущерба» от конфликтов или на его «предотвращение». Статья ставит вопрос о таком важном индикаторе типа стратегической культуры, как риск-рефлексия, взаимосвязь восприятия рисков элитами и теми, кого затрагивают управленческие решения. Утверждается, что сужение возможных альтернатив при согласовании рисков и опасностей особенно характерно для практики стратегического планирования на уровне субъектов РФ, что имеет важное значение для современных практик поддержания социального порядка, его конфликтоустойчивости и конфликтоспособности в условиях глобальной конкуренции регионов.

Ключевые слова: стратегическое управление, риск-рефлексия, стратегическая культура, конфликтоустойчивость, конфликтоспособность, общество риска, политическая идентичность стратегическое планирование.

Интенции о том, что современное российское общество требует новых механизмов стратегического управления и принятия политических решений, уже достаточно давно исходят от разных авторитетных инстанций. Так, известный топ-менеджер Герман Греф неоднократно подчеркивал: «Главная историческая проблема России — отсутствие нормальной, эффективной системы управления, в результате чего нам всегда нужны героические усилия» [1].

Поиск «новых» управленческих кадров и «инновационных» механизмов принятия управленческих решений отчетливо признается чуть ли не ключевой задачей в реализации «стратегии прорыва».

Обратимся к мнению авторитетного российского политолога. О. В. Гаман-Голутвина справедливо полагает, что «одной из существенных проблем современного социального знания представляется стереотипность, инерционность, слабая способность к критическому осмыслению сложившихся ранее подходов» [2, с. 153].

Однако на практике имеет место парадоксальный регресс взаимодействия с будущим, в понимании места и роли страны, политических и социальных акторов в этом будущем. То же самое относится и к стратегической культуре, позволяющей разработать интегрированный набор политических решений, направленных на создание «безопасного» публичного пространства и конкурентных преимуществ России в мировом потоке событий в условиях стремительно распространяющегося общества риска.

Таким образом, первая задача настоящей статьи — анализ паттернов эффективного стратегического управления в эпоху глобальной конкуренции и цифровизации, что не только подразумевает обращение к исследованию и разработке инструментальных управленческих инноваций, но и требует концептуализации особого типа культуры — стратегической, формирующей фундаментальные основания процесса принятия стратегических решений. «Неслучайно это чуть ли не единственный постпозитивистский концепт, который был операционализирован в практике целого ряда западных государств» [3].

Эвристический потенциал концепта «стратегическая культура» определяется возможностями анализа на его основе политических рисков и опасностей. В этом отношении наша вторая задача — раскрыть вариативность политических решений как фактора обеспечения эффективной идентичности политической системы, ее конфликтоустойчивости и конфликтоспособности.

Третья задача статьи — проанализировать стратегическую культуру как фактор, препятствующий деструктивному упрощению содержания разрабатываемых стратегий, а также детерминирующий эффективность процесса таксономии стратегических инноваций в национальном контексте.

На сегодняшний день стратегическая культура преимущественно рассматривается в работах отечественных [4–6] и зарубежных авторов в сфере международных отношений и международной безопасности.

Не ставя перед собой задачу детального обзора подходов в исследовании феномена стратегической культуры, которые прослеживаются в научных дискуссиях, отметим в качестве устойчивых теоретических установок лишь некоторые. К ним, безусловно, можно отнести ее трактовки как предпочтения большей стратегии, вытекающие из парадигмальных предположений относительно природы конфликта и противника [7], или как общих убеждений и способов поведения, основанных на общем опыте, которые формируют идентичность и отношения с другими группами и определяют соответствующие цели и средства достижения безопасности [8].

В фокусе некоторых научных работ, обсуждающих этот концепт, оказываются такие элементы стратегической культуры, как «согласие по стратегическим вопросам развития и выявление общности интересов различных политических сил», акцент ставится на том, что они «выступают глубинной основой повышения социальной интеграции, снижения уровня напряженности и конфликтности в обществе» [9, с. 59].

Стратегическую культуру, таким образом, в первом приближении можно определить как набор фундаментальных и устойчивых предположений, которые разделяются участниками политической коммуникации в отношении способности конструктивной работы с расхождениями, трениями и напряженностью в обществе и во внешнем окружении, способности социальных и политических субъектов к раннему и артикулированному восприятию конфликтных проявлений.

Именно такой подход, по нашему мнению, характерен для ряда современных концепций [10; 11].

Джек Снайдер, анализируя развитие интеллектуальной истории советской стратегической мысли по проблеме ограниченного ядерного конфликта и организационный и политический контексты принятия СССР решений в области обороны, определял стратегическую культуру как совокупность идей, обусловленных эмоциональными реакциями и моделями привычного поведения, которые члены национального стратегического сообщества приобрели путем обучения или подражания в отношении ядерной стратегии [12].

Следует заметить: стратегические культуры, как и культуры в целом, меняются по мере изменения объективных условий, но имеют большую степень непрерывности — в обществе есть некий «фонд стратегических концепций», которые с течением времени меняются лишь незначительно.

Показательна в этом отношении позиция Колина Грея. Исследователь фиксирует, что в основании стратегической культуры лежит особая интерпретация обществом своей «геополитической истории» (стратегической истории геополитики). Автор вводит концепт стратегического травматического шока как фактора трансформации стратегической культуры с учетом национальной специфики со-

циальной памяти, влияющей на конфигурацию стратегической культуры и определяющего стратегическое поведение [13].

Однако изменение миропорядка с усложнением формирующих его подсистем привело к концептуальному расширению границ стратегического анализа, в частности — к необходимости расшифровки его политического, экономического и культурного измерений.

Обращаясь к современному состоянию исследований по стратегической тематике, можно сделать вывод о динамизме стратегического знания и обилии его междисциплинарных коннотаций. Например, Дж. Фон Нейман и О. Моргенштерн [14] рассматривали стратегию как общий план, в основе которого лежит выбор (ход), наиболее предпочтительный для «игрока» в каждой возможной ситуации.

М. Портер [15] рассматривал стратегию как преднамеренный систематический анализ («способность формулировать стратегию и не отклоняться от нее»).

Классики менеджериальной методологии Г. Минцберг и Дж. Уотерс [16] отмечали, что стратегии могут быть преднамеренными (четко структурированными) либо непреднамеренными, или возникающими (текучими).

Исследовательская программа Г. Минцберга [17] рассматривала стратегию также как совокупность пяти «П». Согласно этому подходу стратегия — это планы по достижению долгосрочных целей, приемы, принципы поведения, или следования некоторой модели поведения, позиционирование, а также перспектива определенного приема, или маневра.

Перемещаясь в плоскость предметного поля политических стратегических исследований, представляющих особый интерес в рамках данной статьи, необходимо отметить, что, несмотря на обилие универсальных интерпретаций стратегической деятельности, являющихся академическим достоянием экономической теории (которые были описаны выше), именно в политической сфере не теряют своей актуальности базовые фундаментальные концепты стратегического мышления, сформулированные еще в древности военной наукой, среди которых: время, ресурсы и культура. Быстрые темпы информатизации политических процессов позволили создать достаточное количество инноваций (технологических и когнитивных), направленных на гармонизацию темпорально-инструментального среза стратегической деятельности, в то время как культурная детерминированность политических стратегий и на сегодняшний день остается предметом особой важности в рамках научного анализа, требующим пристального внимания.

В рамках анализа более современных интерпретаций культурной детерминированности стратегий необходимым представляется обращение к концепции Дж. Скотта об отношениях сверхсубъекта (государства) и гражданина. Он зафиксировал тенденцию к снижению эффективности вырабатываемой политики при игнорировании в процессе осуществления государственного управления некой «культурной априорности», своего рода «культурного кода».

Сегодня для нас очевидно, что описанные Скоттом процессы упрощения социальных систем, способствующие эффективной имплементации директивных механизмов ручного управления, «перевод сложного и причудливого социального иероглифа в наглядный и административно более удобный формат... сделали возможными вмешательства государства в жизнь граждан с самыми разными целями» [18, с. 19].

В конструкции Скотта тенденции административного рвення, базирующегося на склонности к установлению порядка, авторитарного технократического государства и обессиленного гражданского общества привели к содержательному упрощению политико-философского, а также историко-культурологического анализа при формировании стратегического плана, а также детерминировали непропорциональное смещение фокуса в сторону внедрения статистических процедур и методик (*hard skills*) и фактически полное игнорирование качественных методик стратегического анализа (*soft skills*), актуальность которых в современном политическом процессе не требует лишних доказательств. Очевидно, что разрабатываемые таким образом политические стратегии были лишены антропологической ценности по причине использования унифицированных процедур социального конструктивизма (своего рода создания из государства «примитивной машины для жилья»), а значит — обладали минимальной степенью эффективности с точки зрения их модернизационного потенциала. Несмотря на существенное изменение миропорядка за последние десятилетия, обозначенные тенденции не теряют своей актуальности и в современных политических условиях, когда государственное управление испытывает на себе влияние процессов «унифицирующей» цифровизации, формирующих новую управленческую реальность.

Перейдем к обозначению основных коллизий в рамках существующего понимания стратегической культуры, указывающих на необходимость ее реконцептуализации.

Усиление сомнений в возможностях различных универсальных теорий адекватно осмыслить существующее российское политическое пространство, например в рамках логического круга «демократия — авторитаризм» или «особого пути», демонстрируют значимость этого базового понятия современного политического лексикона.

Как уже отмечалось ранее, в последние десятилетия концепция стратегической культуры стала весьма популярным инструментом эпистемологии политических сценариев в контексте анализа международной политики. Это означает, что на современном этапе изучение стратегической культуры в качестве интеллектуального продукта в первую очередь неразрывно связано с анализом актуальных интерпретаций суверенитета и путей его обеспечения. Однако в условиях масштабных трансформаций и возрастания влияния геополитических факторов весьма затруднительным видится поиск релевантной дефиниции суверенитета.

Очевидно, что ни боденовская «абсолютная и постоянная государственная власть, свободная от законов», ни веберианское «право на легитимное насилие», ни гоббсовский «Левиафан», ни «принципы строгой справедливости» Монтескье не являются академически исчерпывающими в контексте исследования суверенитета в качестве окончательного права принятия политических решений.

В онтологическом смысле суверенитет как феномен современного политического дискурса потерял свою «абсолютность» на фоне укоренившихся тенденций его ограничения, как добровольных, так и насильственных. Это означает, что суверенитет государства сегодня имеет скорее транзиторную конфигурацию и является политическим (равно как и экономическим) капиталом (собственностью), предметом конфликта субъектов мировой политики (в данном контексте «торги» за суверенитет переносят исследование проблемы на супранациональный уровень).

В контексте этой теоретической посылки можно утверждать, что обеспечение национальных интересов неразрывно связано не только с воспроизводством и сохранением собственной идентичности, но и с поиском «правильного» места государства в системе мировых отношений, испытывающей на себе влияние глобальных рискогенных факторов, связывающих государства в единую синергетическую систему.

Помимо коннотаций через суверенитет, который является основополагающим элементом классических интерпретаций стратегической культуры в дискурсе исследования международных отношений, существуют более «резкие» определения данного феномена (например, у классика глобальных исследований Колина Грея), согласно которым стратегическая культура представляет собой способ оценки и разрешения критических вопросов, связанных с применением силы, и включает в себя ряд динамических детерминант, в частности политическую культуру, историческую и политическую память, ценности и т. д. [19].

Таким образом, «понимание переменных стратегической культуры может быть критически важным для оценки сценариев и угроз, поскольку дает возможность уловить нюансы и понять способ действий актора в больших и малых вопросах» [20, с. 92].

Однако на основании обозначенных выше определений можно сделать вывод о сложности описания стратегической культуры посредством категорий военного дискурса по причине многозначности интерпретаций современного феномена войны. Причины этого кроются в том, что на сегодняшний день «военная стратегия формируется не только в соответствии с рационально определенными внешнеполитическими целями и задачами на основе четко и однозначно определенных национальных интересов, оценки угроз и вызовов безопасности; она во многом формируется в результате сложной комбинации внутренних политических, социальных и экономических факторов, к которым нередко добавляются и иррациональные мотивы» [21, с. 21].

В современных государствах стремительно меняется характер понимания военного дискурса как такового, проблема переводится из области анализа реальных вооруженных конфликтов в плоскость обеспечения конкурентного преимущества иными способами, когда «преодоление воли противника» осуществляется «мягкими» методами, в частности — с применением экономического давления. Таким образом, необходимо признать, что окружающая среда формируемая глобальным сетевым обществом, трансформирует вооруженные конфликты в гибридные столкновения, характеризующиеся как информационные, цифровые, экономические и т. д.

Описанные выше тенденции означают, что привычное рассмотрение стратегической культуры преимущественно в контексте поиска эффективных сценариев обеспечения военной безопасности не является академически достаточным. Необходимо полноценное исследование стратегической культуры как феномена, влияющего на установление баланса между внутренней стабильностью и внешней конкурентоспособностью государства в процессе выработки стратегических сценариев развития. Эффективность политических стратегий эволюции той или иной политической системы и ее организационных структур зависит от того, насколько политическая система, с одной стороны, надежно отображает свои политические гра-

ницы, эффективно дифференцирует себя «внутри», а с другой — взаимодействует с другими системами. Система, которая не может поддерживать собственную политическую идентичность и отличия от других систем, утрачивает потенциал политической адаптации, осязаемо обнаруживает ущербность своих институтов.

Подобная политическая идентичность в качестве стратегического консенсуса выступает политико-культурным условием совместимости рисков принятия политических решений и готовности граждан к политическому участию и мобилизации.

Соответственно, построение политических стратегий в данном контексте представляет собой анализ и обоснование вариативности политических решений в связи с ожиданием стабильности и безопасности всех участников политического процесса, создавая публичное пространство и эффективную идентичность национальной политической системы, формируя высокую адаптивность и социальность политического процесса, а также способствуя обеспечению конкурентоспособности, инновационному развитию и «умной» цифровизации.

В контексте поиска базисных элементов реконцептуализации стратегической культуры как феномена, затрагивающего принятие внутренних государственных решений, видится уместным вновь обратиться к исследовательской стратегии Дж. Скотта.

Как уже было отмечено, автор дает оценку стремлению государства влиять на пространство и людей с целью их дальнейшего реструктурирования и создания наилучших условий для управления и контроля. В центр анализа неудач стратегических планов переустройства государства на основе иерархий положен концепт «метис», обращение к которому принципиально значимо для выявления специфики стратегической культуры.

Метис представляет собой вариант *tacit knowledge* («неявное знание»), что само по себе вызывает трудности интерпретации на фоне неэксплицированности последнего.

Из этой теоретической установки вытекает, что в политико-социальном смысле метис порождает пространства и дискурсы (историческая и политическая память, например), подлежащие достаточному критическому усвоению и последующей интерпретации для формирования эффективных управленческих стратегий.

Таким образом, на основании поиска сценариев реконцептуализации понятия «стратегическая культура» для сферы государственного управления можно заключить, что необходима культурная интерпретация стратегического, равно как и стратегическая интерпретация культурного (в широком смысле этого понятия). В данном контексте обращение к фундаментальным категориям метиса формирует общую методологическую посылку, базирующуюся на утверждении актуальности не только использования наработок современного менеджериального дискурса, но и имплементации общего глобального знания, нажитого веками, своего рода социального, политического и культурно-ментального наследия цивилизаций, без учета которого любые управленческие сценарии будут малоэффективными.

Это означает, что глубинное понимание механизмов формирования того или иного типа стратегической культуры позволяет смоделировать грамотные управленческие стратегии, отвечающие особенностям социального, экономического и политико-административного пространств в их уникальной национальной про-

екции. Это существенно в первую очередь потому, что национальная идентичность имеет важное значение в контексте обеспечения конкурентоспособности современного государства.

Стратегическое партнерство и эффективные взаимодействия в рамках процессов глобализации, а также обеспечение конкурентоспособности зависят от грамотного понимания национальной идентичности, основанной не на принципе «Я — Чужой», а на принципе совместного сосуществования. Мы отталкиваемся от методологического посыла И. Нойманна, который, рассматривая особенности российского «долгого дискурса» о коллективной самоидентификации, заметил, что «Россия — какой бы ни была ее территориальная форма, название, репрезентация — исторически является главным лиминарным спутником Европы. Поэтому неопределенность “Я”, с которым эта репрезентация ассоциировалась во все рассмотренные эпохи, является характеристикой не только русской, но и европейской идентичности... независимо от степени институционализации, саморепрезентация Европы связана с идеей русского “Другого”. Поскольку исключение — это необходимая составляющая интеграции, само по себе это не проблема. Однако возникает соблазн подчеркивать инаковость России ради интеграции европейского “Я”» [22, с. 155].

Это означает, что помимо национальных особенностей на современном этапе стратегическая культура связана и с прогнозированием перспективных глобальных политических стратегий эволюции политических систем. Она имеет специфические черты, обусловленные ростом нестабильности, непредсказуемости политического порядка, умножением теоретико-методологических и идеологических способов обоснования принятия политических решений, а также вариативностью сетевых коммуникаций. Эти тенденции детерминированы разрастанием общества риска, которое охватывает все государства и влияет на них в равной степени. Стратегическая культура в данном контексте выступает «цементирующим» фундаментом стабильности государственных систем в условиях «незнания» и приобретает некоторые универсальные черты (помимо национальных), единые для всех акторов глобальных политических процессов.

В ситуации, когда процессы информатизации и цифровизации трансформируют информацию в многоканальную и комплексную систему, образующую глобальный информационный хаос, необходимость имплементации конкурентоспособных политических сценариев на международной арене ставит перед национальными органами власти задачу анализа всего потока существующей информации, объемы которого катастрофичны. В такой системе очевидной становится необходимость применения инновационных механизмов ее обработки, способствующих, с одной стороны, выработке креативных решений, а с другой — реализации регулирующих сценариев, что позволяет формулировать наиболее эффективные управленческие паттерны. Общество риска и его характеристики указывают на важность повышения степени «альтернативности» вырабатываемых решений, что невозможно без стратегической культуры.

В данном контексте необходимо подчеркнуть, что стратегическая культура обладает рядом устойчивых характеристик, основная из которых — распространение на все уровни государственной власти.

В этом смысле можно констатировать, что «стратегичность» культуры должна удовлетворять следующим условиям:

- 1) «правильное» понимание национальной идентичности;
- 2) управленческий учет всех уровней государственной власти;
- 3) релевантное использование методов стратегического управления;
- 4) поддержание целей устойчивого развития;
- 5) альтернативность решений и открытые механизмы их принятия;
- 6) таксономия инновационных управленческих методик (в частности — посредством использования методик дизайн-мышления) в условиях поливариантной среды, смысл которых заключается в генерации и сообщении новых «интуитивных» идей и возникающих возможностей, что представляет особую значимость в контексте формирования политических стратегий.

Дискуссии о методологическом потенциале концепта стратегической культуры констатируют, что в нем отображаются и интерпретируются процесс осмысления опасностей, рисков и угроз и отношение к ним.

Так, российский исследователь О.М. Михайленок делает вывод о том, что «стратегическая культура среди прочего — это способность стратегического сообщества предвидеть длительные последствия своих решений и принимать их, оценивая множество конкурирующих точек зрения и оценок перед лицом сложных и динамических процессов с весьма неясными исходами» [9, с. 66].

Для полноценного понимания обозначенного типа стратегической культуры необходимо обратиться к исследованию специфики самого общества риска, определяющего дизайн современных менеджериальных сценариев на глобальном уровне. За последние два десятилетия значительное число научных исследований в области социальных наук было сосредоточено на проблемах профилактики и управления рисками [23–26].

Основное внимание в рамках данных исследований было уделено вопросам оценки и типологизации риска, а также проблемам восприятия риска. Растущий объем академических исследований в русле указанной проблематики основывался на анализе управления рисками, т.е. изучении проблем, с которыми сталкиваются учреждения, применяющие стратегии регулирования на основе оценки рисков [27; 28].

Сегодня исследователи рекомендуют предпринимать усилия для снижения уровня риска посредством оценки вероятности, регулирования и эффективной коммуникации с общественностью и другими заинтересованными сторонами. В случае успеха подходы, основанные на оценке риска, рассматриваются не только как наиболее рациональные средства управления ограниченными государственными ресурсами, но как наиболее экономически эффективные.

Наряду с различными проектами и программами, инициированными государственными агентствами, подходы, основанные на управлении рисками, также применялись глобальными наднациональными организациями, такими как ВТО, ЕС и ОЭСР.

На данный момент существует необходимость проследить закономерности между меняющимся характером угроз и рисков в обществе, предпочтительными способами стратегического управления и проблемами, возникающими из представления риска в качестве технологии для принятия решений.

Критическая рефлексия «поворота к риску» стала обычным явлением для представителей социальных наук сегодня [29; 30].

Однако до 1980-х годов риск традиционно изучался исключительно с точки зрения естественных наук и в основном рассматривался как метод расчета, посредством которого можно было идентифицировать наиболее опасные «очаги». Таким образом, язык изучения проблем регулирования и управления рисками был отчетливо техническим, ориентированным на объективное количественное определение вреда и на моделирование способов борьбы с угрозами. С точки зрения технической модели естественных наук не имело значения, к какой категории относится риск — будь то экологические, биологические или криминогенные опасности, — инструменты и процедуры по его минимизации будут идентичными для любых видов. С начала 1980-х годов наблюдается значительный рост социальных исследований рисков, основной целью которых являлось привлечение внимания к сравнительно неизученным проблемам общественно-политического измерения последних. Эти работы о риске первоначально были относительно диффузными и хаотично разбросанными в дискурсе психологии, географии и антропологии.

В начале 1990-х годов началось стремительное изучение риска в рамках социологической теории — существенный вклад в этой области был внесен такими исследователями, как Ульрих Бек и Энтони Гидденс. Рассуждая о рисках, авторы стремились пролить свет на социальную значимость риска и концептуализировать риск таким образом, чтобы можно было наблюдать формируемые им макросоциальные сдвиги.

В своих исследованиях У.Бек утверждает, что тень риска вездесуща, зависит от окружающей среды, семьей, образованием, занятостью и политикой. Жизнь с риском становится отличительной чертой повседневного опыта, связанного с последствиями «социального взрыва» рисков со стороны средств массовой информации и «постановкой» потенциальных будущих угроз. Отвечая на критику своей концепции, Бек проводит различие между опасностями с известными крупномасштабными эффектами, которые он считает классифицированными как «катастрофы», и рисками, которые определяются как опасности с неопределенными эффектами и последствиями. В ситуациях не-знания государство и социальные институты должны действовать на основе частичной, неполной информации [24, p. 115], и общество рискует тем, чего оно не знает.

Акценты, расставленные У.Бекком, представляются значимыми — очевидно, что «незнание» и давление со стороны разрастающейся неопределенности сильно повлияли на ряд социальных институтов: от уголовного правосудия, разведывательных служб до медицины, политики и финансового сектора. Более того, на макроуровне радикальные неопределенности стали угрозой легитимности и серьезным препятствием для обеспечения контроля над институциональными системами [24, p. 53].

Конечный тупик общества риска, по У.Беку, находится в разрыве между знаниями и решениями — нет никого, кто действительно знал бы конечный результат, поэтому общество риска провоцирует непристойную авантюру, своего рода ироническую репрезентацию: я отвечаю за решения, которые был вынужден принять без надлежащего знания ситуации.

Исследователи сходятся во мнении, что в вопросе изучения рисков необходимо привлечь внимание, в частности, к некоторым коллизиям, которые возникают для учреждений и ведомств, связанных с управлением рисками в современном обществе. Принятие решений о курсах и действиях, об определении надлежащего использования ресурсов и вовлечении заинтересованных сторон в диалог по потенциально спорным вопросам неизбежно связано с рисками. Таким образом, для принятия стратегически верного решения необходимо не просто внедрять механизм элементарного планирования (это не снизит риски), необходимо развивать целую систему ценностей, норм, инструментов, направленных на эффективное, конкурентоспособное внутреннее и внешнее управление государством. На фоне значительного количества принимаемых документов стратегического планирования их единая архитектура не выстроена.

В качестве иллюстрации необходимо обратиться к реалиям российского общества. Совет безопасности России признает, что «отсутствуют стратегия социально-экономического развития страны и стратегия пространственного развития России. Документы характеризуются отраслевой изолированностью, отсутствием стратегических ориентиров для бизнеса и регионов и практически не используются в процессе выработки и принятия решений. Не всегда прослеживается взаимосвязь между стратегическими целями и бюджетным процессом. При разработке документов стратегического планирования в сфере социально-экономического развития вопросы национальной безопасности рассматриваются формально» [31].

Стратегическая культура принятия управленческих решений в связи с прогнозированием перспективных политических стратегий эволюции политической системы России обусловлена ростом нестабильности, непредсказуемости политического порядка и умножением теоретико-методологических и идеологических способов обоснования принятия политических решений, а также вариативностью сетевых коммуникаций.

С этих позиций способы легитимации рисков и опасностей процесса принятия управленческих решений связаны с тем, что все больше расширяются возможности таких решений влиять на возникновение социального «ущерба» или его «предотвращение». При этом «расширение возможностей решений благодаря росту знаний или развитию технологий перемещает проблему из сферы опасности в сферу риска» [32].

Тем самым корреляция в процессе принятия управленческих решений восприятия рисков, способов его описания теми, кто эти решения принимает, и восприятием опасности теми, кого они затрагивают, выступает важным индикатором типа стратегической культуры. В контексте подобной теоретической гипотезы способность управленческих элит видеть и дифференцировать перспективы возникновения «ущерба» от риска или опасности является предпосылкой для оформления инновационной политической стратегии, ориентированной на будущее, и, что не менее важно, для формирования политической ответственности за принимаемые управленческие решения.

Прогнозирование рисков и опасностей в таком случае оказывается не только важным индикатором сохранения стабильности политического порядка, но и вариативной переменной в процессе принятия и легитимации управленческих решений в условиях непредсказуемости политических ожиданий участников ком-

муникации, а также отсутствия устойчивой детерминированности их поведения. В Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации» определено, что «прогнозирование — это деятельность участников стратегического планирования по разработке научно обоснованных представлений о рисках социально-экономического развития, об угрозах национальной безопасности Российской Федерации» [33].

Таким образом, акцент в исследовании стратегии принятия политических решений смещается не столько на поиски ценностно-нормативных оснований консенсуса управляющих и управляемых, сколько на описание «процессов», посредством которых устраняется неопределенность в ожиданиях политических событий и политических решений. Готовность выработки и принятия управленческих решений политическими акторами обуславливается процедурами артикуляции и последующим сужением возможных альтернатив посредством согласования рисков и опасностей, без чего невозможно эффективно реализовать заявленную в Стратегии НТР необходимость ответа социальных институтов на большие вызовы на современном этапе глобального развития, в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук.

В прикладной плоскости этот тезис особенно актуален для регионального и городского управления. Включение крупных городов и отдельных территорий в процесс глобальной конкуренции создает дополнительные риски и выдвигает новые требования к стратегическому планированию развития отдельных территорий. Если мы обратимся к практике стратегического планирования на уровне субъектов РФ, то картина окажется существенно более печальной, нежели на федеральном уровне.

Даже в самых, казалось бы, «продвинутых» в технологическом и социокультурном отношении регионах и городских муниципальных образованиях в проектах стратегического развития территорий мы наблюдаем явный крен в сторону чисто технократических стратегий в ущерб социогуманитарной и политической составляющим.

Один из последних примеров — «Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2035 г.», принятая в конце 2018 г., где среди восьми выделенных направлений развития абсолютными доминантами являются экономика и развитие городской инфраструктуры и сервисов при минимальном внимании к со-общественным формам управления и совершенствованию социокультурной составляющей [34].

Сегодня лидерство и конкурентные преимущества обеспечиваются главным образом не чисто административными и силовыми средствами, а комплексными стратегиями внутренних реакций на риски, что транслируется в структуру международной экономической, политической и социокультурной конкуренции.

Понимание стратегической культуры в условиях «общества риска» в данном контексте способствует обретению устойчивости государством в структуре глобальной политики, в котором, с одной стороны, аккумуляция рисков порождает непредсказуемые опасности для власти и общества, представляя серьезную угрозу для обеспечения национальной безопасности, а с другой — риски выступают в качестве эвристической категории анализа управления, что позволяет, проанализировав структуру современных рисков, сформировать новые коммуникативные

пространства управления, благоприятные для имплементации эффективных политических стратегий.

Таким образом, реконцептуализация содержания стратегической культуры имеет витальное значение для изучения релевантных сценариев интеграции современных государств в «обществе риска» с последующим выстраиванием государственных и надгосударственных международных иерархий.

Новое понимание стратегической культуры как фактора, определяющего стратегические государственные решения, ставит вопрос о необходимости выработки механизмов формирования «идеального типа» стратегического управления, учитывающего как национальные, так и глобальные черты стратегической культуры.

Внедрение в процесс принятия политико-государственных решений важных операционных изменений исследовательского, логического, информационного, когнитивно-семантического и символического, поведенческого и организационного толка определяет национальную безопасность страны. Общество риска и увеличивающийся уровень неопределенности, порожденный стремительным развитием информационных технологий и, как следствие, возрастанием числа каналов связи, заинтересованных акторов и ресурсов, требует нового понимания стратегической культуры. Системное управление рисками на этапах выработки и имплементации государственной политики позволит повысить степень эффективности, рациональности и оптимальности системы государственного управления. Снижение субъективности, спорадичности, повышение прозрачности и обоснованности решений, измерения их эффективности на основе системы релевантных индикаторов, выбор стратегических решений на основе расчетов альтернативных вариантов, обеспечат целенаправленность, преемственность и непрерывность процессов администрирования, минимизировав применение потенциально опасных процедур, угрожающих национальной безопасности. В современном мире стратегическая культура не может измеряться исключительно в терминах военного преимущества, но должна отражать конкурентные преимущества в возможности принимать эффективные решения в условиях комплексных рисков.

Литература

1. Грегг Г. Русский стиль менеджмента неэффективен, но результативен // Harvard Business Review. Россия. 2016. 26 января. URL: <https://hbr-russia.ru/liderstvo/psikhologiya/a17082> (дата обращения: 06.03.2019).
2. Гаман-Голутвина О. В. Реальность и мифы современной отечественной политической культуры // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 153–159.
3. Алексеева Т. А. Стратегическая культура как инструмент международно-политического анализа // Поиск. Альтернативы. Выбор. 2016. № 1. С. 162–178.
4. Давыдов Ю. П. Стратегические культуры США и Европы // США и Канада: Экономика, политика, культура. 2006. № 3. С. 48–70.
5. Лукин В. Н., Мусиенко Т. В. Изменение стратегической культуры: подходы и модели, ориентации и нарративы // Credo New. 2015. № 3. URL: <http://credo-new.ru/archives/574> (дата обращения: 06.03.2019).
6. Иванов О. Американская стратегическая культура // Обозреватель — Observer. Научно-аналитический журнал. 2007. № 1. С. 87–97.
7. Johnston A. I. Thinking about Strategic Culture // International Security. 1995. Vol. 19, no. 4. P. 32–64.
8. Strategic Culture and Weapons of Mass Destruction: Culturally Based Insights into Comparative National Security Policymaking (Initiatives in Strategic Studies: Issues and Policies). Palgrave Macmillan, 2009. 308 p.

9. Михайленок О. М. Феномен согласия в политологии и политической практике. М.: Институт социологии РАН, 2016. 176 с.
10. Neumann I. B., Heikka H. Grand Strategy, Strategic Culture, Practice. The Social Roots of Nordic Defence // Cooperation and Conflict. 2005. Vol. 40, no. 1. P. 5–23.
11. Малинова О. Ю. Стратегическая культура и фреймы коллективной памяти (на примере постсоветской России) // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 1. С. 75–91.
12. Snyder J. L. Soviet strategic culture: Implication for Limited Nuclear Operations. A Project AIR FORCE report prepared for the United States Air Force. September. 1977. URL: <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2005/R2154.pdf> (дата обращения: 06.03.2019).
13. Lantis J. S. Strategic culture: from clausewitz to constructivism. 31 October 2006. URL: <https://fas.org/irp/agency/dod/dtra/stratcult-claus.pdf> (дата обращения: 06.03.2019).
14. Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, 1970. 708 с.
15. Porter M. Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance. New York: Free Press, 1985. 558 p.
16. Mintzberg H., Waters J. Of Strategies Deliberate and Emergent // Strategic Management Journal. 1985. Vol. 6, no. 3. P. 257–272.
17. Минцберг Г., Куинн Дж., Гошал С. Стратегический процесс. Концепции, проблемы, решения. СПб.: Питер, 2001. 567 с.
18. Скотт Дж. Благими намерениями государства. М.: Университетская книга. 2005. 568 с.
19. Gray C. National Style in Strategy: The American Example // International Security. 1981. Vol. 6, no. 2. P. 21–47.
20. Ожиганов Э. Н. Стратегическая культура: понятие и направления исследований // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2012. № 2. С. 91–102.
21. Кокошин А. А. Политология и социология военной стратегии. М.: УРСС, ЛЕНАНД, 2018. 613 с.
22. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
23. Vaithan Z. A Chronicle of Crisis: 2011–2016. London: Social Europe Edition, 2017. 163 p.
24. Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2009. 269 p.
25. Woynе R. Risk. London: Sage, 2003. 132 p.
26. Яницкий О. Н. Вызовы и риски глобализации. Семь тезисов // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 29–39.
27. Risk and the War on Terror. London; New York: Routledge, 2008. 280 p.
28. Mythen G., Walklate S. Terrorism, Risk and International Security: The Perils for Asking What if // Security Dialogue. 2008. Vol. 39. P. 221–242.
29. Arnoldi J. Risk. Cambridge: Polity Press, 2009. 224 p.
30. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5. С. 107–134.
31. Секретарь Совета Безопасности РФ Николай Патрушев провел совещание по вопросам стратегического планирования. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/2538/> (дата обращения: 06.03.2019).
32. Луман Н. Риск и опасность // Отечественные записки. 2013. № 2(53). URL: <http://www.zh-zal.ru/oz/2013/2/31.html> (дата обращения: 06.03.2019).
33. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации». URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201406300016.pdf> (дата обращения: 06.03.2019).
34. Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2035 года. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_econom/strategiya-ser-2035/ (дата обращения: 06.03.2019).

Статья поступила в редакцию 2 апреля 2019 г.;
рекомендована в печать 13 июня 2019 г.

Контактная информация:

Алейников Андрей Викторович — д-р филос. наук, проф; a.alejnikov@spbu.ru
Мальцева Дарья Александровна — канд. полит. наук, доц.; d.maltseva@spbu.ru

Strategic culture in a risk society: The conceptual bases of analysis

A. V. Aleinikov, D. A. Maltseva

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Aleinikov A. V., Maltseva D. A. Strategic culture in a risk society: The conceptual bases of analysis. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2019, vol. 35, issue 4, pp. 634–649. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.409> (In Russian)

The article examines the patterns for effective strategic management in the era of global competition. As the article shows, strategic culture is a factor for ensuring conflict tolerance and conflict ability of a political system. In the paper, the research strategies for studying strategic culture are analyzed; the author's definition is given as a set of fundamental and stable assumptions shared by social and political actors regarding the ability to work constructively with tension in society and the external environment, to relevant and an articulated perception of conflict. The article raises the question of such an important indicator of strategic culture in the decision-making process such as the correlation of the perception of risks by elites and people affected by these decisions. It is argued that the narrowing of possible alternatives in the coordination of risks and hazards is especially common as well as the practice of strategic planning in the subjects of the Russian Federation, where the bias towards technocratic strategies is clearly expressed, without taking into account sociocultural issues. Based on the findings, it is argued that the re-conceptualization of the content of strategic culture is important for modern practices of maintaining social order, its conflict tolerance and conflict capacity in the area of global competition.

Keywords: strategic management, risk-reflection, strategic culture, conflict tolerance, conflict capacity, risk society, political identity, strategic planning.

References

1. Gref, G. (2016) "Russian management style is inefficient, but productive", *Harvard Business Review-Russia*, January 26 2016, available at: <https://hbr-russia.ru/liderstvo/psikhologiya/a17082> (accessed: 06.03.2019). (In Russian)
2. Gaman-Goluvtina, O. V. (2016), "Reality and Myths of Modern Russian Political Culture", *Polis. Political Studies*, vol. 75, no. 9, pp. 73–81. (In Russian)
3. Alekseeva, T. A. (2016), "Strategic culture as an instrument of international political analysis", *Search. Alternatives Selection*, no. 1, pp. 162–178. (In Russian)
4. Davydov, Y. P. (2006), "Strategic cultures of the USA and Europe", *USA & Canada Journal*, no. 3, pp. 48–70. (In Russian)
5. Lukin, V. N. and Musienko, T. V. (2015), "Strategic Culture Change: Approaches and Models, Orientations and Narratives", *Credo New*, no. 3, available at: <http://credo-new.ru/archives/574> (accessed: 06.03.2019). (In Russian)
6. Ivanov, O. (2007), "American strategic culture", *Observer*, no. 1, pp. 87–97. (In Russian)
7. Johnston, A. I. (1995), "Thinking about Strategic Culture", *International Security*, vol. 19, no. 4, pp. 32–64.
8. *Strategic Culture and Weapons of Mass Destruction: Culturally Based Insights into Comparative National Security Policymaking (Initiatives in Strategic Studies: Issues and Policies)*, Palgrave Macmillan Publ, London.
9. Mikhaylenok, O. M. (2016), *Phenomenon of harmony in political science and political practice*, Russian Academy of Sciences Publ., Moscow. (In Russian)
10. Neumann, I. B. and Heikka, H. (2005), "Grand Strategy, Strategic Culture, Practice. The Social Roots of Nordic Defence", *Cooperation and Conflict*, vol. 40, no. 1, pp. 5–23.
11. Malinova, O. Yu. (2018), "Strategic culture and frames of collective memory (the case of post-soviet Russia)", *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, no. 1, pp. 75–91. (In Russian)
12. Snyder, J. L. (1977), *Soviet strategic culture: Implication for Limited Nuclear Operations. A Project AIR FORCE report prepared for the United States Air Force*, available at: <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2005/R2154.pdf> (accessed: 06.03.2019).

13. Lantis, J.S. (2006), *Strategic culture: from clausewitz to constructivism*, available at: //fas.org/irp/agency/dod/dtra/stratcult-claus.pdf (accessed: 06.03.2019).
14. Neumann, J. and Morgenstern, O. (1970), *Theory of Games and Economic Behaviour*, trans. by Vorobev, N.N., Nauka Publ., Moscow. (In Russian)
15. Porter, M. (1986), *Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance*, Free Press, New York.
16. Mintzberg, H. and Waters, J. (1985), "Of Strategies Deliberate and Emergent", *Strategic Management Journal*, vol. 6, no. 3, pp. 257–272.
17. Mintzberg, H., Ghoshal, S., and Quinn, J. (2001), *The strategy process: concepts, contexts*, trans. by Vinogradova, T., Piter Publ., St. Petersburg. (In Russian)
18. Scott, J. (2005), *Seeing Like a State*, trans. by Gusinsky, E. and Tourchaninova, U., Universitetskaya kniga Publ., Moscow.
19. Gray, C. (1981), "National Style in Strategy: The American Example", *International Security*, vol. 6, no. 2, pp. 21–47.
20. Ozhiganov, E.N. (2012), "Strategic culture: the concept and the directions of research", *Vestnik RUDN. Ser. Politologiya*, no. 2, pp. 91–102. (In Russian)
21. Kokoshin, A.A. (2018), *Political Science and sociology of military strategy*, URSS: LENAND Publ., Moscow. (In Russian)
22. Neumann, I. (2004), *Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation*, trans. by Litvinov, V. and Pil'chikov, I., Novoe izdatel'stvo Publ., Moscow. (In Russian)
23. Bauman, Z. (2017), *Chronicle of Crisis: 2011–2016*, Social Europe Edition Publ., London.
24. Beck, U. (2009), *World at Risk*, Polity Press Publ., Cambridge.
25. Boyne, R. (2003), *Risk*, Sage Publ., London.
26. Yanitsky, O.N. (2019), Challenges and risks of globalization. Seven theses, *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 29–39. (In Russian)
27. *Risk and the War on Terror* (2008), Routledge Publ., London and New York.
28. Mythen, G. and Walklate, S. (2008), "Terrorism, Risk and International Security: The Perils for Asking What if?", *Security Dialogue*, vol. 39, pp. 221–242.
29. Arnoldi, J. (2009), *Risk*, Polity Press Publ., Cambridge.
30. Giddens, A. (1994), Fate, Risk and Security, *THESIS*, no. 5, pp. 107–134. (In Russian)
31. *Secretary of the Security Council of the Russian Federation Nikolai Patrushev held a meeting about strategic planning*, available at: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/2538/> (accessed: 06.03.2019). (In Russian)
32. Luhmann, N. (2013), "Risk and danger", *Otechestvennye zapiski*, vol. 53, no. 2, available at: <http://www.zh-zal.ru/oz/2013/2/3l.html> (accessed: 06.03.2019). (In Russian)
33. *Federal law "Strategic planning in the Russian Federation"*, available at: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201406300016.pdf> (accessed: 06.03.2019). (In Russian)
34. *Strategy of social and economic development of St. Petersburg until 2035*, available at: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_econom/strategiya-ser-2035/ (accessed: 06.03.2019). (In Russian)

Received: April 2, 2019

Accepted: June 13, 2019

Authors' information:

Andrei V. Aleinikov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; a.alejnikov@spbu.ru

Daria A. Maltseva — PhD, Associate Professor; d.maltseva@spbu.ru